

героев; добывание богатырского коня и оружия, пригодного для схватки с «поединщиками»; поединок с тремя вражескими богатырями (отмечу здесь троякую символику); содействие чудесного помощника — все эти мотивы, из которых монтируется основное испытание, сказочны настолько отчетливо, что на них можно специально не останавливаться. (Комментария заслуживает, пожалуй, то, что видимыми Савва и Бес становятся только тогда, когда приближаются к Днепру и начинают переправу. С позиций нашей логики Бес мог бы оставить Савву невидимым и в момент перехода через Днепр, тем более что при этом герой подвергается серьезной опасности: поляки замечают его и открывают стрельбу. Но в данной ситуации действует не логика новейшего здравого смысла, а логика сказки. Оппозиция *видимый/невидимый* оказывается подмножеством другой характерной для сказки оппозиции *свое/чужое*, воплощенной в пространственных категориях. Река — граница между своим и чужим пространством, и, переходя через границу, Савва и Бес обязаны были сделаться видимыми.)

Значительно интереснее взглянуть в этом композиционном узле на «темные» места. Ведь чем больше неувязок и неясностей будет правдоподобно истолковано с помощью единой концепции, тем, следовательно, сильнее ее разрешающая способность. К «темным» местам в первую очередь относится ранение Саввы, которое дано в «Повести» как исполнение пророчества Беса: «Но и сам уязвлен будешь от него (третьего «поединщика», — И. С.), аз же язву твою вскоре уврачую» (стр. 250). Факт пророчества, казалось бы, должен сигнализировать об особой структурной значимости эпизода, но эта значимость — фиктивна: как и путешествие Саввы с Бесом, ранение не влечет за собой серьезных событий, оно выпадает из сцепления повествовательных звеньев. (Лишь в одном из вариантов «Повести» ранением мотивируется болезнь Саввы. Перед нами — четкий случай рационализирующей мотивировки. Автор этого причинно-следственного объединения двух мотивов (ранение—болезнь), конечно, уже осознавал «темноту» первого из них, но, проясняя его, он извратил замысел «Повести»: ведь болезнь Саввы не физическая, а духовная, она символична, она — результат общения героя с демоническими силами.)

Мотив станет более прозрачным, когда мы увидим в нем проповедскую функцию клеймения, которая очень часто реализуется в сказочном тексте в форме ранения героя во время битвы (как и в «Повести», его ранят обычно в руку). По телесной отметке царевна впоследствии идентифицирует героя и отличает его от самозванца. Ср. битву и ранение в руку в сказке: «Выехал третий (богатырь); бился с ним Незнаюшка целый час: богатырь рассек ему руку до крови...» По этой ране Незнайка будет опознан спасенной им царевной (Афанасьев, №№ 295—296).

Между тем в «Повести» нет третьего, дополнительного испытания в эксплицитной форме. Клеймение героя становится излишним; это не более чем реликтовый след сказочной праструктуры произведения. Впрочем, сохранив функцию клеймения, «Повесть» сохранила и фигуру самозванца, вернее, того, кто мог бы стать узурпатором подвигов Саввы, — боярина Федора Ивановича Шеина. Но поскольку дополнительное испытание было аннулировано, роль самозванца изменилась. Он понадобился автору только для того, чтобы объяснить отъезд Саввы из-под Смоленска. Боярин настаивает на возвращении Саввы к родителям и в гнев изгоняет его из войска. (Причины гнева, разумеется, неясны. В другом варианте появляется более удовлетворительная рационализирующая мотивировка — боярин избавляется от Саввы, ибо «хотеша учинит измену» — стр. 251).